ОТРЫВКИ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.

1.

8 *Сентября*, 1820. *Нарва.*

Путешествовать очень пріятно: но вспомните смотрителей, ямщиковъ, счеты. Дорога отъ С. Петербурга до Нарвы довольно однообразна. Но прекрасная, вечерняя заря меня очаровывала; картины изъ моего будущаго, изъ моего прошедшаго мелькали передъ моими глазами: я ожидалъ счастія. Иногда и синіе, желтые, пунсовые листья осенняго лѣса представляли моимъ взорамъ разнообразныя, чудныя декораціи. Облака громоздились самымъ оссіановскимъ образомъ.

2.

12 *Сентября. Рига.*

Нарва послѣ С. Петербурга производитъ на душу странное впечатлѣніе.

Улицы и сверхъ того главныя уже нашего грязнаго переулка; домы высокіе готической архитектуры съ надписями и изрѣченіями изъ священнаго писанія. Видъ города чрезвычайно живописенъ: развалины Ивань-города, какъ будто еще и теперь, подобно провидѣніямъ воителей, устрашаютъ Нарву. Нарова шумитъ между древними укрѣпленіями русскими и бывшими шведскими: двѣ башни съ противныхъ сторонъ смотрятъ одна на другую и похожи на двухъ непріятелей, готовыхъ вступить въ бой.

Съ А. Л. . . . мъ и съ его семействомъ, провожавшимъ насъ до Нарвы, отправился я смотрѣть здѣшній водопадъ: что сказать вамъ, друзья, объ этомъ великолѣпномъ зрѣлищѣ? Оно не удивило меня; потому что я уже ожидалъ чего то чрезвычайнаго. Но я наслаждался и его вѣчнымъ шумомъ, и бездною его жемчуга, и лѣсистыми островками, раздѣляющими его на нѣсколько рукавовъ. Мы осматривали достопримѣчательности Нарвы: домъ Петра Великаго, гдѣ хранятся башмаки его работы и два

экземпляра его знаменитой дубины; церковь русскую, бывшую нѣкогда католическою, потомъ люперанскою, и нѣмецкій соборъ святаго Петра. Въ послѣднемъ мы нашли гробы многихъ именитыхъ гражданъ города Нарвы, жившихъ въ первой половинѣ 17 столѣтія. Надгробные камни покрыты эмблемами и надписями, напоминающими тлѣнность всего земнаго; здѣсь изображеніе свѣчи съ девизомъ: „свѣча гаснетъ“; тамъ розы съ девизомъ: „роза увядаетъ“, и проч. Мнѣ представлялись добрые, честные отцы семействъ, которые здѣсь покоятся, ихъ важность и дѣятельность, ихъ строгость въ домашнемъ бытѣ и праздничная торжественность, съ коею по воскресеньямъ отправлялись сюда съ своими женами домовитыми, опрятными благодарить Бога за свое благоденствіе. Я видѣлъ ихъ дочерей пригожихъ и застѣнчивыхъ; видѣлъ всю ихъ смиренную, тѣсную жизнь, ихъ радости и страданія.

„Здѣсь все говоритъ о смерти:“ сказалъ наконецъ одинъ изъ нашихъ сопут-

никовъ; о ней и въ свѣтѣ упоминаютъ безпрестанно!“

„Въ свѣтѣ: прибавилъ я, столько говорятъ о смерти и такъ часто произносятъ звукъ: *смерть*, что наконецъ съ нимъ не соединяютъ никакаго понятія.“ Молодая княжна С. . . . а задумалась.

Въ Нарвѣ я въ первый разъ узналъ, что значитъ возбуждать любопытство жителей большаго уѣзднаго города: они за нами вездѣ слѣдовали толпами; всѣ окна, всѣ двери были отперты, на нашу каляску глядѣли, какъ на осьмое чудо свѣта.

Дорогою отъ Нарвы до Дерпта, не далеко отъ станціи *Ненналь* на берегу Чудскаго озера, мы съ докторомъ должны были выйти изъ экипажа: лошади не могли вспащить насъ въ гору. Ночь была истинно скандинавская; вѣтеръ не свистѣлъ, а завывалъ; сердитое озеро кипѣло у ногъ нашихъ и съ минуты на минуту приближалось. Одинъ изъ слугъ, бывшихъ съ нами, молодой человѣкъ лѣтъ 18, которой вѣроятно бури зналъ по од-

ному слуху, не скрывалъ своего страха; онъ смѣшилъ насъ; однако же мы, были довольны, когда наши кони взвезли насъ на пригорокъ и каляска медленно двинулась по песку. Никогда я не видывалъ лучшаго подобія хаосу: берегъ и озеро, суша и вода, казалось, смѣшались и безпрестанно уступали другъ другу. Передъ нѣмъ, вечеромъ, мы видѣли море: оно было спокойно, величественно, необозримо; послѣдній свѣтъ зари, отражаясь, разсѣкалъ его на нѣсколько разноцвѣтныхъ слоевъ, и небо, столь же спокойное, отдѣлялось отъ него ясною чертою.

Въ Ненналѣ я вспомнилъ, что нахожусь въ прежнемъ владѣніи семьи нашей, что въ 8 верстахъ похороненъ покойникъ батюшка.

О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твоей по прежнему всегдашній буду жи-
тель?

Послѣ 11 лѣтней разлуки проскакалъ я въ осенюю, бурную ночь черезъ мѣста,

для меня незабвенныя, и не успѣлъ обнять гробъ родителя? Дерптъ... сколько в воспоминаній, сколько милыхъ, картинъ ясныхъ и сумрачныхъ изъ моего минувшаго времени! Здѣсь я посѣтилъ профессора Д . . . ., съ дочерьми коего игралъ ребенкомъ: Софія, которая уже когда занимала влюбчиваго мальчика, за мужемъ; Юлія, которая тогда еще не разцвѣла, вянетъ.

За Дерптомъ природа уже гораздо свѣжѣе, и чѣмъ болѣе приближаешься къ Ригѣ, тѣмъ она становится разнообразнѣе и живописнѣе. Но передъ самою столицею Лифляндіи пески несносны. Я здѣсь ничего не видалъ, потому что былъ болѣнъ и не могъ ходить. Предмѣстіе красиво: это я замѣтилъ проѣздомъ; городъ, кажется, по большой части архитектуры готической.

3.

$\frac{15}{27}$ Сентября. Мемель.

Курляндія начинается обширными, необозримыми равнинами; потомъ становится холмистѣе. Мы проѣзжали мѣста-

ми очень живописными; жаль только, что погода была пасмурна и туманна. Замокъ Дёблень, развалины изъ вѣковъ рыцарскихъ, лежитъ прелестно на зеленомъ, кругломъ холмикѣ надъ водою и весь обсаженъ деревьями. Въ Курляндіи мало дубовъ; но лишь только вѣдешь въ Пруссію, какъ вездѣ встрѣчаешь это народное тевтонское дерево. За то огромныя сосны, ели, липы и березы здѣсь возвышаются въ воздухъ и напоминаютъ древнихъ боговъ: Перкуна, Пикола и Попримбоса, которымъ Леты приносили жертвы подъ ихъ исполинскою тѣнію.

Леты вообще гораздо лучше изъ себя Эстовъ и Финновъ; особенно между ихъ молодыми мущинами встрѣчаешь лица и головы, которыя бы не испортили статуи пригожаго Сильвана, или даже Антиноя; но станъ ихъ ничтоженъ и не мужественъ: женщины вообще безобразны.

Какъ описать вамъ, друзья, чувства, съ коими оставилъ я Россію? Я плакалъ какъ ребенокъ, и эти слезы, которыя удержать былъ не въ состояніи, живо за-

ставили меня чувствовать, что я Русскій, и что внѣ Россіи нѣтъ для меня счастія. У васъ, мои милые, у васъ мое сердце, у васъ мое все. Природа, моя давнишная утѣшительница, приняла меня въ свои обьятія. Мы выѣхали въ Прускіе пески и шашкомъ тащились вдоль моря: вечеръ былъ самый поэтическій; облака, отъ вечерней зари,

„Летя, сіяли,
И, сіяя, улетали"

за далекій, величественный, ясный небосклонъ: море кипѣло и колыхалось. Какая противоположность!

Дикій Нептунъ роптalъ, кипѣлъ и въ волнахъ разсыпался,
А съ золотой высоты, поздней зарей освѣщенъ,
Радостный Зевсъ улыбался ему, улыбался вселенной:
Такъ безмятежный, глядитъ вѣчный законъ на мятежъ
Шумныхъ страстей; такъ смотритъ мудрецъ но ничтожное буйство:
Сила съ начала вѣковъ въ грозномъ величьи тиха

4.

$\frac{17}{29}$ *Сентября. Кёнигсбергъ.*

Мнѣ море въ нашемъ переѣздѣ изъ Мемеля въ Кёнигсбергъ чрезвычайно наскучило. Море да песокъ, песокъ да море, и это въ продолженіи 14 часовъ ѣзды съ проклятыми нѣмецкими почталіонами, которые даже не сердятся, когда ругаешь ихъ всѣми возможными доннерветтерами, и на все твое краснорѣчіе съ величайшимъ, съ истинно-германическимъ равнодушіемъ отвѣчаютъ: ja, mein herr! Какой же песокъ! Въ точномъ, самомъ точнѣйшемъ смыслѣ слова: песчаное море! Ни травки, ни муравки, ни куста, ни дерева! Конечно бы я умеръ съ тоски, ежели бы голодъ не умилосердился надо мною и не вздумалъ разнообразить чувствъ моихъ: выпивъ только чашку кофе, съ четырехъ часовъ утра голодалъ я до пяти по полудни.

Теперь мы въ Кёнигсбергѣ.

Поутру осматривали мы городъ.

Я уже видалъ нѣсколько готическихъ городовъ, но ни одинъ не поразилъ меня до такой степени. Переѣзжая чрезъ

мостъ, я ахнулъ: рѣка Прегель по обѣимъ сторонамъ обсажена узенькими высокими домами (между ними есть 8 этажные), которые стоятъ къ берегу не лицемъ, а бокомъ, снабжены огромнѣйшими кровлями и тѣмъ получаютъ видъ какихъ то башень китайской, или, Богъ знаетъ, какой постройки! Улицы красивы и нѣкоторыя довольно широки: большія крыльца придаютъ городу веселую, южную физіономію. Меня восхитили италіянскіе тополи, которые я здѣсь увидѣлъ въ первый разъ: не знаю красивѣе дерева.

5.

$\frac{21}{3}$ *Сентября.* *Октября.* *Дорогою между станціями Шлопе и Гохцейтъ.*

Мы уже дня три ѣдемъ довольно однообразными, песчаными мѣстами: одно воспоминаніе о моихъ милыхъ меня живитъ и отгоняетъ отъ души скуку. Признаюсь, что я никогда не любилъ васъ такъ, какъ теперь въ разлукѣ съ вами. Навѣки останется у меня въ памяти мгновенье, когда переѣхалъ я черезъ границу. Оно принадлежитъ въ моей жизни къ тѣмъ немногимъ, въ ко-

шорыя, по словамъ Гамлета, приближаемся къ духу вселенной и получаемъ право вопросить Провидѣніе. И въ эту минуту чувствую какъ будто бы тихое вѣяніе, которое заноситъ ко мнѣ образы изъ давно-минувшаго, изъ моего дѣтства. Кажется, вижу самаго себя въ день моего отъѣзда изъ того мирнаго городка, гдѣ получилъ первое образованіе. Машушкина зимняя бричка уже на дворѣ; слуга моего добраго наставника несетъ съ крыльца мою поклажу; стою одинъ и гляжу въ садъ, занесенный снѣгомъ, и въ первой разъ чувствую вдохновеніе; въ первый разъ предчувствіе, тоска, стремленіе въ неизвѣстную, туманную даль и тайная боязнь наполняютъ мою душу, томятъ и освѣжаютъ ее. Слезы, которыхъ я не зналъ до того времени, хлынули изъ глазъ моихъ; и тогда въ первый разъ я дерзнулъ вопросить Промыслъ и будущность! Помню еще нѣсколько такихъ мгновеній: къ нимъ принадлежитъ и то, когда скрылось за мною отечество.

Мы все проѣзжали до сихъ поръ католическою землею, населенною по боль-

шой части Поляками и Литовцами. Жидовъ здѣсь также чрезвычайно много.

Для меня чужды теперь хлопоты нашихъ людей и почталіоновъ, старающихся освободишь каляску, завязшую въ песку и задержанную еловыми сучьями. Докторъ сердится, выскакиваетъ, бранится; а я, увѣренный, что не помогу общей бѣдѣ и что она минетъ и безъ меня, остаюсь спокойнымъ и продолжаю писать, какъ будто ничего не бывало.

Если вы будете въ Маріенвердерѣ и въ Нейенбургѣ, вспомните обо мнѣ, друзья! Оба города лежатъ на берегахъ Вислы самымъ живописнымъ образомъ одинъ противъ другаго. Необозримыя пажити, свѣтлыя рощи, богатые луга, множество селеній и городковъ на высокихъ берегахъ величественной прелестной рѣки... какъ жаль, что я не живописецъ! Маріенвердеръ богатъ хорошими сливами и грушами и миленькими дѣвушками. Добрые друзья, ежели будете въ Маріенвердерѣ, купите себѣ грушь и сливъ и поцѣлуйте хотя одну красавицу въ мое воспоминаніе!

В. Кюхельбекеръ